
Экзистенциальные основания тайнотворчества*

© 2020 г. В.М. Найдыш

*Российский университет дружбы народов,
Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.*

E-mail: v.naidysh@bk.ru

Поступила 17.11.2019

Тайна – это состояние сознания, в котором интегрированы его наглядно-образные, чувственно-эмоциональные стороны, процессы мышления, памяти, воображения, воспоминания и др. Тайна осознается как глубинная трансформация духовного мира личности. Основа тайны – смыслообраз ее объекта, содержащий когнитивную и ценностно-смысловую составляющие. В ценностно-смысловой сконцентрированы два экзистенциальных отношения – зависимость субъекта от объекта тайны и волевая нацеленность на преодоление такой зависимости, на раскрытие тайны. Их взаимодействие порождает ту высокую чувственно-эмоциональную напряженность, проявлениями которой выступают «экзотические» свойства тайны – экстазы, медитации, «трансперсональный» опыт переживания мира, «выход» в бессознательное и др. Тайны рождаются (при решающей роли волевого фактора) на мотивационном этапе формирования деятельности в условиях, когда ограничены объективные или (и) субъективные возможности становления целеполагания. Такие условия могут быть вызваны как непреднамеренными обстоятельствами (объективными – на границах познанного и непознанного, освоенного и неосвоенного деятельностью субъекта, упорядоченного и неупорядоченного, закономерного и хаотического; или субъективными – неразвитостью субъекта), так и преднамеренными действиями (например, при охране государственных, коммерческих, личных и др. тайн). Мотивационная модель тайнотворчества объясняет истоки сакрализации имажинарной образности, а также способность тайн властвовать над человеком.

Ключевые слова: тайна, сознание, образ, смысл, ценности, восприятие, переживание, чувства, потребности, деятельность, общение, мотив, сакральность, имажинарность, миф.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4-31-40

Цитирование: *Найдыш В.М.* Экзистенциальные основания тайнотворчества // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 31–40.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; проект № 18–011–00186а.

Existential Foundations of Mystery Creativity*

© 2020 Vjacheslav M. Naidysh

*Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.*

E-mail: v.naidysh@bk.ru

Received 17.11.2019

Mystery is a state of consciousness in which its visual-figurative, sensual-emotional sides, processes of thinking, memory, imagination, memories, etc. are integrated. Mystery is realized as a deep transformation of the spiritual world of the person. The basis of the mystery is the image of its object, containing cognitive and value-semantic components. In the value-semantic two existential relations are concentrated – the dependence of the subject on the object of the mystery and the volitional focus on overcoming such dependence, on the disclosure of the mystery. Their interaction generates that high sensual-emotional tension, the manifestations of which are the “exotic” properties of the mystery – ecstasy, meditation, “transpersonal” experiencing the world, “exit” into the unconscious, etc. Secrets are born (with the decisive role of the volitional factor) at the motivational stage of the formation of activity in conditions where the objective and (or) subjective possibilities of goal-setting are limited. Such conditions can be caused as an unintended circumstances (objective – on the borders of the known and unknown, developed and undeveloped activity of the subject, ordered and disordered, regular and chaotic; or subjective – poor entity) and deliberate actions (e.g. in the protection of state, commercial, personal secrets, etc.). The motivational model of mystery-making explains the origins of the sacralisation of imaginative imagery, as well as the ability of mysteries to dominate a person.

Keywords: mystery, consciousness, image, meaning, values, perception, experience, feelings, needs, activity, communication, motive, sacrality, imaginarity, myth.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–31–40

Citation: Naidysh, Vjacheslav M. (2020) ‘Existential Foundations of Mystery Creativity’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2020), pp. 31–40.

Введение

Ремистеризация духовной культуры – одна из характерных социокультурных тенденций первой четверти XXI в. На смену декартовской уверенности Модерна, что мир «прозрачен» и у природы можно «вырвать любые тайны», очередная историческая волна мистеризации духовной культуры возвращает средневековое убеждение, что мир полон тайн и «непрозрачен» для разума. Буквально на наших глазах возрождаются (казалось бы, давно исчезнувшие) языческие суеверия, мантические практики, оккультизм, магия, спиритизм, колдовство; множатся разного рода «тайные» общества, культы, секты и др. Атмосфера загадочности и мистериальности все в большей мере пронизывает сферы СМИ, рекламы, обыденное сознание и др. Расцветает квазинаучное мифотворчество. Растет активность закулисных структур политического процесса, в котором идеологические призраки, химеры все чаще наделяются реальным существованием, а власть *тайны* проявляет себя как тайна *власти*. Периодически

* The article was prepared with the financial support of The Russian Foundation for basic research; project No. 18–011–00186a.

вспыхивают международные скандалы, раскрывающие отдельные страницы такой тайной политики. С другой стороны, в связи с развитием ИТ-технологий в государственных масштабах нарастают проблемы информационной безопасности (то есть надежности обработки, передачи, хранения государственной, коммерческой, личной информации). Их решение предполагает комплекс задач прикладного (технологических, организационных, политических) и теоретического характера, включая не только совершенствование математического программирования, средств алгоритмизации и др., но и вопросы философско-теоретического плана.

В этих условиях закономерно оживление научно-философского интереса к проблематике тайнотворчества [Найдыш 2014]. Ее особенность в том, что тайна – объект, трудно поддающийся теоретическому моделированию. Это – многостороннее состояние духовного мира личности, в котором теснейшим образом интегрированы наглядно-образные, чувственно-эмоциональные стороны духовности, процессы мышления, памяти, воображения, воспоминания и др. Тайна осознается как глубинная трансформация духовного мира личности, особая вежа, кульминационный момент в «потоке» сознания. Долгое время анализ тайнотворчества ограничивался в основном сакральными тайнами и оставался прерогативой теологии, психологии религии. Профанное же тайнотворчество выступало предметом исследования в узких областях правоведения, психиатрии (медитация, измененные состояния сознания и др.), трансперсональной психологии. В итоге все еще остается актуальным высказанное М. Элиаде в середине XX в. утверждение, что «религиозная и собственно культурная ценность “тайны” до сих пор еще недостаточно изучена» [Элиаде 2009, 138].

Заполнение образовавшихся в этой проблематике лакун предполагает разработку концептуальных моделей тайны как особого состояния сознания. Теоретико-методологической основой такого моделирования могут служить парадигмы психологической и эпистемологической мысли, базирующиеся на принципе деятельности¹. (По нашему глубокому убеждению, они вовсе не исчерпали свой эвристический потенциал.) На этом пути появляется возможность представить тайну как состояние сознания, закономерно возникающее на мотивационном этапе становления деятельности, как девиантный момент в формировании целеполагания.

Роль тайнотворчества в духовной культуре

Тайны – одни из наиболее впечатляющих и вдохновляющих состояний сознания. Они насыщены богатейшей гаммой чувственно-эмоциональных переживаний, задевают глубинные и тонкие чувственные струны, порождают вокруг себя токи высокой духовной напряженности, сопровождаются ощущением «парения над действительностью». Тайны завораживают, увлекают, пленяют, восхищают, влекут к себе и одновременно наполняют человека тревогой и страхом.

Облики тайны многообразны. Так, переживание тайны сакрального сверхъестественного – стержневая основа религиозного, мистического опыта. Но сакральные тайны – это лишь одна (хотя и яркая, впечатляющая) сфера тайнотворчества. В истории культуры важную роль всегда играли и профанные тайны, объектом которых выступают естественные, представленные в чувственном опыте субъекта, явления – природные, социальные, жизнедеятельность человека. Они характерны для ценностных форм сознания (политическое, правовое, моральное сознание, формы художественно-эстетической образности, идеологии, СМИ, реклама и др.), где образ объекта в значительной мере «растворен» в сфере чувственно-эмоциональных переживаний личности, выражающих смыслы, интересы и мотивы ее деятельности. Но не только. В когнитивных формах сознания (наука, философия) к «тайнам мира» относят такие фундаментальные проблемы, возникающие на «переходах» между различными уровнями системно-структурной организации реальности, решение которых требует радикальной перестройки теоретико-методологических установок, средств, методов познания. Например, в современной науке это проблемы теоретического моделирования основных

звеньев в логике глобального эволюционизма – происхождение Вселенной; возникновение жизни, органического мира, психической реальности; антропосоциогенез и др.

Тайна обладает властью над человеком. Это проявляется в ее способности выступать основой коллективной стратегии, консолидировать социальные общности, управлять ими. Так, еще в условиях первобытно-родового строя важную роль в управлении родо-племенными структурами играли «тайные (мужские и женские) союзы», а в эпоху цивилизации тайны выступали скрепами этнических, профессиональных, сословных, кастовых, политических сообществ, конспиративных партий и др. Секретность – мощное средство политической борьбы. Современное государство закрепляет в законодательстве понятия отдельных видов тайн, в том числе тайн, охраняемых законом². По их характеру можно судить о самом государстве, политической системе, степени открытости, демократичности общества и др.

Тайна имеет и личностное измерение. Неповторимость и уникальность жизненного мира личности делает ее тайной для Другого. Осознаваясь как сокровенность, тяготящая человека, тайна является границей самосознания, очерчивает сферу его базовых смыслов и ценностей. Для расширения такой сферы личность должна иметь возможность *самостоятельно* определять конкретный круг отношений своей тайной частной жизни³. Подобно греху или вине, тайна способна как формировать личность, так и разрушать ее.

Таким образом, с понятием тайнотворчества связаны самые различные сферы и исторические пласты духовной культуры. История духовной культуры – это в значительной мере «открытая книга» постижения человеком тайн природы, общества и самого себя. Не следует гипертрофировать роль тайн в культуре и ее истории (что иногда именуются конспирологией), но не следует ее и недооценивать, впадая тем самым в «социально-культурную и историческую наивность».

Тайна как смыслообраз

В основу моделирования тайны как особого состояния сознания могут быть положены представления о двойственном отношении сознания к внешнему миру [Рубинштейн 2004, 149–150]. Первое отношение – когнитивное, представленное *образом* объекта, который формируется (на базе чувственного опыта, воображения, мышления и др.) конструктивной деятельностью сознания. Кроме того, сознание содержит и отношение к субъекту, к *условиям* познания, в котором сосредоточена *смысловая* сторона его деятельности, выражающая заинтересованность субъекта в содержании объекта. Она проявляется в эмоционально-аффективных *переживаниях* субъекта. Формой осознания смыслов выступают ценности. На основании таких представлений тайну можно определить как смыслообраз, содержащий как когнитивные, так ценностно-смысловые моменты отношений субъекта к миру.

Смыслообраз тайны характеризуется, с одной стороны, неполным, незавершенным *знанием* объекта тайны и, с другой стороны, *смыслами*, в которых сконцентрированы экзистенциальные отношения субъекта к образу тайны. В жизнь тайны включена личность с ее уникальностью и неповторимостью. Поэтому тайна буквально «играет» смыслами, которые выражаются сложной амальгамой переживаний. В ней «сплавлены» *ожидание* чего-то необычного и внешне вторгающегося в судьбу человека, *страх* перед будущим, *надежда* на благоприятный исход будущих событий и др. Нередко такая «игра смыслов» сопровождается «пиковыми переживаниями» [Маслоу 1997, 102–138], нарушением логических связей, парадоксальностью и даже утратой самоконтроля. Где коренятся основания смыслообраза тайны, в когнитивной или ценностно-смысловой, экзистенциальной его составляющей?

Широко распространено определение тайны как «знания о незнании». Оно относит сущность тайнотворчества к познавательному отношению субъекта к миру. Однако с таким определением тайны согласиться нельзя. «Знание о незнании» само по себе не ведет к возникновению мистериального состояния сознания. Особенность образа тайны – не в недостатке знаний об объекте и не в осознании такого недостатка,

а в непонимании объекта. Причем нередко это такое непонимание, которое и не предполагает перерастания в понимание. Ведь для многих тайн существует социальный запрос на консервацию непонимания их объекта. Но понимание – проблема не столько гносеологическая, сколько экзистенциальная. Понимание выступает «как экзистенциал, как основной модус бытия, как проект, как усмотрение возможностей существования, как понимающее бытие возможностей» [Огурцов 2010 web]. В понимании выражается мера «господства» человека над бытием. В непонимании – мера власти бытия над человеком, условий познания над процессом познания. Непонимание возрастает, когда в процессе познания субъект сталкивается с объективными (временными или принципиальными) или субъективными (например, не видит для себя смысла в завершении познавательного процесса) препятствиями. В тайне когнитивная составляющая значима не мерой своей объективности, а характером своего влияния на жизнедеятельность субъекта, тем, каким смыслом она обладает для субъекта. Здесь не образ доминирует над смыслом, а смысл – над образом, когнитивная составляющая подчинена ценностно-смысловой. Это позволяет сделать вывод, что основания смыслообраза тайны сосредоточены в его ценностно-смысловой составляющей, экзистенциальных отношениях.

Кстати, такая особенность смыслообраза тайны придает ему способность формировать мотивацию для консолидации общностей (общинно-племенных, этнических, социальных и профессиональных групп и др.). В этом случае консолидирующая функция обеспечивается не столько когнитивной составляющей такого смыслообраза (например, рай, ад, Судный день, Апокалипсис и др.), обменом информацией (вербальной или невербальной) между членами сообщества по поводу его содержания, сколько его ценностно-смысловой составляющей и выражающими ее чувственно-эмоциональными состояниями. Они должны способствовать сопереживанию, эмоциональному резонансу, личностному психологическому контакту агентов общения. Наиболее адекватна этим требованиям мифологическая наглядно-чувственная образность. Вот почему тайны общения, обеспечивающие консолидацию, укрепление и воспроизводство коллективности, теснейшим образом связаны с мифотворчеством [Найдыш 2017].

Как можно конкретизировать экзистенциальные отношения, лежащие в основаниях тайнотворчества? Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу сакрального тайнотворчества, ценностно-смысловая составляющая которого обстоятельно проинтерпретирована, исследована и детализирована в литературе (теологической, религиоведческой, эзотерической и др.)

Экзистенциальные основания тайны

В основании религиозного сознания – потребность в снятии отчуждения человека от мира, гармонизации их отношений, исцеления «трагизма мироощущения конечным Я» [Тиллих 2000, 65]. Религиозное миропонимание (в своих высших формах) является результатом рационализации первобытной мифологической образности, трансформации ее в абстрактное учение о сверхъестественном, сакральном и трансцендентном Абсолюте, который противостоит непосредственной чувственной достоверности. Он превосходит «тварный интеллект», не доступен обычному чувственному восприятию, но доступен особому переживанию, не поддающемуся полному выражению в рациональных формах. Поэтому Абсолют – это всегда Тайна, а ее переживание является стержнем религиозного опыта.

Процедура переживания тайны обычно сопровождается обрядово-ритуальными действиями, которые призваны стимулировать и усиливать чувственно-эмоциональные переживания, моменты вдохновения, воображения и др. Среди них – аскетические, очистительные практики, инициации, медитация, мантры, жесты и телодвижения, молитвы, часто дополняющиеся художественно-образительными, музыкальными, танцевальными, драматическими действиями (ритмические танцы, музыка, пение или, как в некоторых орденах суфизма, даже звуки шипения, скрипа и др.). Иногда такие ритуальные действия предполагают также употребление наркотических, галлюциногенных средств и др.

В каждой религиозной системе вырабатывается своя трактовка мистериальных отношений человека и Абсолюта. Так, в библейских (авраамических) религиях, «религиях откровения», предполагается, что Абсолют, при всей своей трансцендентности, тем не менее, манифестирует часть своей тайны. В Священном Писании он сообщает свою волю, и этим самым человеку открывается возможность переживания Тайны. В иудаизме, исламе и христианстве такое переживание получает разные интерпретации. Так, в иудаизме, где сущность Бога нераздельна, непостижима и непознаваема, тайное знание (божественное откровение) содержится в многоуровневых смыслах заповедей Торы. По Талмуду, существует четыре уровня понимания смыслов заповедей Торы – буквальное понимание (Пшат), намек (Ремез), толкование (Драш) и наиболее глубокий смысл, собственно тайна (Сод), одной из интерпретаций которой является (сформировавшаяся в XII–XIII вв.) каббала. В исламе областью тайн является интерпретация божественного предопределения. Ислам строго монотеистичен и постулирует абсолютную трансцендентность и непознаваемость Бога; при этом в нем остается неопределенным вопрос о мере активности человека в его отношениях с Богом. Проблематика исламского мистицизма сконцентрирована вокруг вопроса о том, какая позиция верующего предпочтительнее – бездеятельный сознательный фатализм или активные мистические практики самосовершенствования (суфизм). В христианстве через переживание тайны Бог властвует над человеком и судит его. В тайне усматривается сильнодействующее средство, позволяющее основательно «встряхнуть» духовный мир человека, дать ему спасительный шанс, возможность одуматься и измениться. Предполагается, что в состоянии переживания тайны духовный мир человека кардинально, вплоть до самых его глубин, преобразуется. Вершина такого преображения – обожение, которое получает различные толкования (богоподобие, высшая форма любви, познания и др.).

При всем разнообразии интерпретаций, в религиозном переживании тайны может быть выделена единая структурно-функциональная основа. Она представлена двумя (связанными и дополняющими друг с друга) группами ценностно-смысловых ориентиров, экзистенциальных отношений. В первой сконцентрированы смыслы инобытийности по отношению к тайне и зависимости от нее. Человек ощущает себя антиподом божественного начала и порядка, он «тонет в собственном ничто и склоняется перед тем, что выше всякого творения» [Отто 2008, 5]. Такое смысловое содержание выражается широкой гаммой чувственно-эмоциональных переживаний, которая именуется нуминозностью. В ней сочетаются ощущение собственной ничтожности, тварность, упоение и трепет, восторг, мистический ужас, экстаз и др. Второе экзистенциальное отношение предполагает неукротимую заинтересованность в Тайне. В нем выражены устремленность на ее духовное освоение тайны, восхищение перед несоизмеримым с субъектом, «совершенно иным», волевая нацеленность на преодоление зависимости от тайны. Оно сопровождается такими эмоциональными переживаниями, как жизненность, страстность, чувство собственного величия, могущества, устремленности к действию, энергетизм (различные формы активизации духовной деятельности) и др. Все они – антиподы тварности и трепета. Во втором экзистенциальном отношении сконцентрировано «творческое отношение человеческого чувства к трансцендентному миру» [Соловьев 1992, 268], воплощен обновленческий потенциал тайнотворчества, способствующий снятию (на чувственно-эмоциональном уровне) отчуждения человека от природы, общественных отношений, гармонизации его связей с миром.

Профанные тайны так же эмоционально напряженны и внутренне драматичны, как и сакральные тайны. Анализ показывает, что профанное тайнотворчество базируется на таких же экзистенциальных основаниях, то есть во-первых, на зависимости субъекта от объекта тайны и, во-вторых, на волевой нацеленности субъекта на преодоление такой зависимости, на раскрытие тайны⁴. Поэтому в нерелексированном (например, обыденном) сознании сакральное и профанное тайнотворчество могут не различаться. И тогда профанные тайны воспринимаются как «дар Божий», их носители наделяются сакрально трактуемой харизматичностью и др. И, наоборот, имагинарный объект сакральных тайн наделяется признаками чувственно-предметной реальности и т. д.

Различия профанного и сакрального тайнотворчества лежат в другой области. Они определяются характером интерпретации объекта смыслообраза тайны. Любой смыслообраз – это идеальная конструкция, результат созидательной активности сознания, в котором объективные и субъективные характеристики неразрывны⁵. Потому в культуре всегда есть и то, что соответствует объективной действительности (знание), и то, что определяется субъектом, идет от его способности преобразовывать чувственную образность, то есть фантазии, воображения. Имагинарное – это такая неотъемлемая часть «тела» современной культуры, в которой воображаемое, субъективное превалирует над (опытно-установленным и дедуктивно-обоснованным) объективным⁶. Смыслообраз сакральных тайн носит имагинарный характер, а признак объективности ему приписывает субъект. А устойчивое воспроизводство такого смыслообраза требует участия волевой составляющей сознания – веры.

Профанное тайнотворчество ориентировано на конструирование объективно-обусловленного смыслообраза объекта тайны. Такой смыслообраз опирается не на субъективизированное воображение, а на знание, то есть обобщенные элементы сознания (опредмеченные в некотором языке – вербальном либо невербальном, включающем в себя ритуальные действия, поведенческие навыки, схемы и др.), благодаря которым различаются объекты материального мира, социума, сам человек, его отношение к внешнему миру. При этом здесь нередко объект тайны дан в чувственном восприятии субъекта, и потому интерпретация его смыслообраза не представляет затруднений и осуществляется обыденным сознанием. А для объектов, которые не даны непосредственному чувственному восприятию, вполне достаточно процедур опытного (экспериментального и наблюдательного) и логико-дедуктивного обоснования их существования.

Таким образом, экзистенциальное, ценностно-смысловое ядро тайнотворчества представлено двумя (противоположными и в то же время дополняющими друг друга) группами ценностей и смыслов. В первой выражено отношение *зависимости* субъекта от объекта (реального или воображаемого) тайны, которое ощущается как необходимость объекта тайны для жизнедеятельности субъекта. Это отношение наделяет тайну властью над человеком. Во второй – человек как «существо страдающее» [Рубинштейн 2004, 522] преисполнен *волевой* активностью, нацелен на самоактуализацию, преодоление своей зависимости от объекта тайны, стремится к «изживанию» тайны. Взаимодействие этих противостоящих друг другу экзистенциальных отношений, ценностно-смысловых групп порождает мистериальное состояние сознания с его высокой чувственно-эмоциональной напряженностью, порождениями которой выступают экстатические (измененные, медитативные, трансперсональные и др.) состояния сознания, «выход» сознания в «до(пред)сознательные» области психической реальности и др.

Чем определяется диалектическая двойственность экзистенциальных оснований тайнотворчества? На наш взгляд, ответ следует искать в генетических связях тайнотворчества с потребностно-мотивационным компонентом сознания.

Мотивационная модель тайны

«Жизненный мир» человека двойственен. С одной стороны, субъект *противостоит* миру как особая, наделенная сознанием часть бытия, а с другой, – он погружен в мир, «вживлен» в него, является его *неотъемлемой* частью; ведь его жизнедеятельность невозможна без устойчивых, необходимых связей с окружающей средой. Такая двойственность не может не отражаться в структурах духовного мира, сознания человека. Она прежде всего воспроизводится в потребностях. Они выражают необходимые связи организма со средой (природной и социальной) и выступают средством регулирования внутреннего равновесия системы организма (гомеостаза). Любой организм обладает способностью сохранять свое состояние; восстановление динамического равновесия обеспечивают обменные процессы, координируемые потребностями. Именно потребности задают программу жизнедеятельности организма и одновременно являются

источниками энергии организма, его «витальной активации». Субъективной формой представления потребностей выступают эмоции.

Важно отметить, что потребности не заложены в организм в готовом виде, раз и навсегда, а формируются в процессе взаимодействия (онто- и филогенетического) его структурно-функциональной организации (морфологической, анатомической, физиологической и др.) со средой. Результатом такого взаимодействия оказывается особая реальность – «жизненный мир» (Umwelt). Это – выделенные в природной среде определенные ее участки, которые данный организм способен непосредственно воспринимать, на которые он способен непосредственно воздействовать и в которых сосредоточено все необходимое для его жизнедеятельности. Ядром системы «жизненного мира» являются потребности, они центрируют связи и отношения ее элементов. Отдельные объекты, предметы, процессы (природной и социальной) среды, становясь элементами системы «жизненного мира», приобретают интегративное (эмерджентное) свойство – смысл. В смысле закодирована их функция в такой системе, что позволяет ему выполнять роль регулятора жизнедеятельности организма. Таким образом, потребности находятся в двойственном отношении к миру. С одной стороны, они придают смысл деятельности субъекта, выполняют сигнально-регулирующую функцию. С другой стороны, они несут в себе побуждение к деятельности, в них сконцентрирована побудительная сила, они придают субъекту активность. Оба эти функционала несут в себе мощный аффективно-эмоциональный заряд, сопровождаются широкой гаммой переживаний, включая страстность, устремленность, энергетизм и др. Такая функциональная двойственность потребность и находит свое продолжение в экзистенциальных основаниях тайны. Конечно, связи между потребностями и тайнотворчеством носят опосредованный, многоуровневый характер. Попробуем их проследить в общих чертах.

Потребности органично включены в психическую реальность, в деятельность сознания, которая их трансформирует, порождая производные состояния. (В силу своих генетических связей с потребностями такие состояния сознания способны оказывать обратное воздействие на жизнедеятельность субъекта.) Среди таких производных состояний ключевая роль принадлежит мотиву. Он формируется в условиях, когда субъект (в границах своего «жизненного мира») обнаруживает предмет, способный удовлетворить его потребности и восстановить гомеостаз. Будучи побуждением к деятельности и придавая ей общий смысл, мотив, тем не менее, не определяет ее специфических характеристик. Они определяются целью, именно она выполняет роль основания деятельности: «генетически исходным для человеческой деятельности является несовпадение мотивов и целей» [Леонтьев 2000, 201]. Путь от мотива к цели – ключевой момент становления деятельности. Если мотив возводит «строительные леса» деятельности, то цель задает ее «конструкцию». Путь от мотива к цели не предопределен заранее, он носит напряженный, неоднозначный, вариативный, конструктивно-творческий характер, не линейный, а сетевой характер. На этом пути на основе прошлого опыта субъекта конструируется образ будущего, формируется целое «поле» мотивационных состояний сознания.

Мотивационные состояния сознания пока недостаточно систематизированы; несмотря на то что их анализ имеет длительную историю, «в их понимании имеется еще много спорного, неясного» [Ильин 2002, 183]. Еще И. Кант, анализируя «природную склонность человека ко злу», детально рассматривал пути трансформации мотива от склонности («субъективное основание возможности того или иного влечения» [Кант 1980, 99]), к влечению как непосредственному желанию обладать вещью с помощью своего поступка. В психологии XX в. большое внимание этой проблематике уделял С.Л. Рубинштейн, выделявший как переходные формы от потребности к мотиву (влечения, желания, хотения), так и собственно формы мотивационных состояний сознания. Так, например, одной из таких форм выступает помысел, то есть сосредоточенность на предмете потребности, приобщение к нему, забота о нем [Рубинштейн 2004, 525]. Помысел трансформируется в интерес, в котором сосредоточенность на предмете развивается в «стремление ближе ознакомиться с ним, глубже в него проникнуть, не упускать из поля зрения» [Там же]. Далее интерес развивается в намерение, то есть «стойкую сознательную нацеленность»

на «распредмечивание» объекта деятельности. К мотивационным формам относят также мечту, надежду, сомнения и др. [Ильин 2002, 143–183] И, наконец, завершается мотивационный этап становлением цели, которая, также двойственна. Она выступает как целеполагание (то есть идеальный образ желаемого результата деятельности, общие характеристики результата) и как целереализация (волевое сопровождение деятельности).

Истоки воли уходят в эволюцию форм поведенческой активности в направлении совершенствования их надежности и точности функционирования, а впоследствии – в направлении подчинения произвольной (инстинктивной) регуляции поведения произвольному сознательному регулированию. Воля становится все более избирательной и направленной, приобретает самодерминированность («свобода воли»). Конечно, в разных формах деятельности и на разных ее этапах мера волевой активности различна. Так, уровень прямого, непосредственного формирования отношений субъекта к объекту, позволяющий центрировать многогранную (когнитивную, смысловую, коммуникационную и др.) активность сознания, волевым функционалом достигается на мотивационном этапе становления деятельности. Важную роль играет фактор воли и в тайнотворчестве, почвой которого является поле мотивационных форм сознания.

Тайна является одной из форм мотивационного этапа становления цели деятельности. Мотив трансформируется в тайну, когда к объекту уже сложились интерес, влечение, но возможности целеполагания ограничены. Такие условия могут вызываться как непреднамеренными обстоятельствами (например, неразвитостью объекта или средств, имеющихся в распоряжении субъекта, и др.), так и преднамеренными действиями субъекта (например, при охране государственных, коммерческих, личных и др. тайн). Тайны возникают на границах познанного и непознанного, упорядоченного и неупорядоченного, закономерного и хаотического, освоенного и неосвоенного в условиях, когда оказывается невозможным формирование целей деятельности субъекта. Поэтому тайна может быть определена как девиант, «неразвившаяся цель», «превращенная форма» на поле мотивационных состояний сознания, вариативное отклонение от магистрального пути мотивации. Тайна – это мотивационное состояние, которое характеризуется, с одной стороны, неопределенностью смыслообраза будущего результата деятельности, а с другой стороны, сформировавшимися его экзистенциальными основаниями, то есть ощущением зависимости от объекта, результата деятельности, наличием волевой решимости к деятельности, убежденности в ее эффективности.

* * *

Мотивационная модель тайнотворчества объясняет истоки сакрализации смыслообраза тайны, а также ее способность властвовать над человеком. Так, возможность появления сакральных тайн обеспечивается активностью воли, ее способностью интегрировать различные функционалы сознания. Субъект, заменяя «санкции разума» волевыми усилиями (верой), поддерживает убежденность в объективности содержания имажинарного, то есть предельно субъективного, образа объекта тайны. А онтологические основания власти тайны над человеком состоят в способности волевого функционала тайны, компенсируя незавершенность целеполагания, запускать «механизм» (в том числе средствами СМИ, рекламы и др.) ее обратного воздействия на сферу потребностей и мотивов субъекта, жизнедеятельность личности, а также на поведение коллективов, масс и др.

Примечания

¹ Среди них: культурно-историческая теория; анализ отношений «человек – мир»; принцип деятельности в психологии; операциональная модель мышления, энактивизм и др.

² Среди них: государственная тайна (то есть сведения в области военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной и оперативно-разыскной деятельности государства, распространение которых может нанести ущерб его безопасности), коммерческая тайна, банковская тайна, тайна страхования, служебная тайна, профессиональная тайна (тайна связи, врачебная тайна, нотариальная тайна, адвокатская тайна и др.), тайна частной жизни.

³ Развитие систем тотального мониторинга общественного пространства (цифровая паспортизация, чипизация индивида и др.), содержит аспекты, которые вступают в противоречие с конституционными нормами (Конституция РФ, ст. 23, 24) о тайне частной жизни.

⁴ Такая двойственность в деятельности секретных служб своеобразно выражается афоризмом: «*Без архивов работать нельзя. А с архивами нельзя жить*».

⁵ И переживание, и знание являются единством объективного и субъективного моментов сознания [Рубинштейн 2004, 14].

⁶ Каждая культура содержит имажинарные исторические пласты [Ле Гофф 2011, 5].

Источники – Primary Sources in Russian and Russian Translations

Кант 1980 – Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278 [Kant I. *Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft* (Russian Translation)].

Леонтьев 2000 – Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000 [Leont'ev, Alexey N. *Lectures on General psychology* (in Russian)].

Маслоу 1997 – Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997 [Maslow, Abraham H. *Toward a Psychology of Being* (Russian Translation)].

Отто 2008 – Отто Р. Священное. СПб.: Изд. СПб. ун-та., 2008 [Otto, Rudolf *Das Heilige. Über das Irrationale in der Idee des Göttlichen und sein Verhältnis zum Rationalen experience* (Russian Translation)].

Рубинштейн 2004 – Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004 [Rubinshtejn, Sergey L. *Basics of General psychology* (in Russian)].

Соловьев 1992 – Соловьев Вл. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Собрание сочинений и писем. В 15 т. Т. 1. М.: ПАИМС, 1992 [Solovyov, Vladimir S. *Philosophical principles of integral knowledge* (in Russian)].

Тиллих 2000 – Тиллих П. Систематическая теология. В 3 т. Т. 1–11. М.; СПб.: Университетская книга, 2000 [Tillich, Paul *Systematic Theology* (Russian Translation)].

Элиаде 2009 – Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 1: От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академический проект, 2009 [Eliade, Mircea *Histoire des Croyanances et des idées Religieuses: De l'âge de la pierre aux mystère d'Éleusis* (Russian Translation)].

Ссылки – References in Russian

Ильин 2002 – Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.

Ле Гофф 2011 – Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М.: Текст, 2011.

Найдыш 2014 – Найдыш В.М. Власть тайны. Очерки по философии мифологии. М.: Кнорус, 2014.

Найдыш 2017 – Найдыш В.М. Мифотворчество в деятельности сознания // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 26–34.

Огурцов 2010 web – Огурцов А.П. Понимание // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a8d47bb13aeacfee67>

References

Le Goff J. (2005) *Héros et merveilles du Moyen Âge*, Seuil, Paris.

Il'in, Evgeny P. (2002) *Motivation and motives*, Peter, St. Petersburg (in Russian).

Naidysh, Vjacheslav M. (2014) *The Power of mystery. Essays on the philosophy of mythology*, Alpha-M, Moscow (in Russian).

Naidysh, Vjacheslav M. (2017) 'Mythmaking in the Activities of Consciousness', *Voprosy Filosofii*, Vol. 5. (2017), pp. 26–34 (in Russian)

Ogurtsov, Alexander P. (2010) web *Understanding* // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6743a8d47bb13aeacfee67>

Сведения об авторе

НАЙДЫШ Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов.

Author's information

NAIDYSH Vjacheslav M. – DSc in Philosophy, full Professor of the Department of Ontology and Epistemology, Peoples Friendship University of Russia.